

0360

HARLEQUIN®

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Желен Брукс

НОЧНЫЕ СУМАСБРОДСТВА

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Хелен Брукс

Ночные сумасбродства

«Центрполиграф»

2011

Брукс Х.

Ночные сумасбродства / Х. Брукс — «Центрполиграф»,
2011 — (Любовный роман – Harlequin)

Получив в результате несчастного случая серьезные травмы, Мелоди решает развестись с мужем, чтобы не стать обузой для него, не видеть, как его любовь вытесняется жалостью. Однако Зик не видит причин для развода. Удастся ли супругам понять друг друга?

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	13
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Хелен Брукс

Ночные сумасбродства

Глава 1

Неужели это возможно – всем сердцем желать чего-то, ждать бесконечные часы, дни, недели и прийти в ужас, когда этот момент наступит?

Мелоди изо всех сил зажмурила глаза, чтобы взять себя в руки. Она сможет. У нее просто нет выбора. Сегодня вечером ее больничную койку займет кто-то другой, а правила категорически запрещают сидеть без дела в коридоре.

Слабая вспышка юмора помогла ей обрести равновесие. Она медленно разжала кулаки и открыла глаза. Эта маленькая палата была ее домом три месяца – с тех пор, как это случилось. Одна из нянечек, которые за ней ухаживали, сообщила, что палата предназначена в основном для пациентов, нуждающихся в длительном лечении. Мелоди подозревала, что таким образом нянечка хотела предупредить ее: чуда ждать не следует. Травмы позвоночника и ног, которые она получила, когда однажды утром ступила на мостовую, не заметив, что из-за угла выезжает грузовик, не проходят быстро. Но Мелоди и сама знала, что ее жизнь изменилась навсегда. Она поняла это, когда, очнувшись после наркоза, увидела перекошенное лицо Зика.

«Хватит. Не думай о нем. Сегодня тебе надо быть сильной», – приказала она себе.

Мелоди потянулась к теплему жакету. В больнице было жарко, как в парнике, но снаружи, она не сомневалась, холодно. Синоптики уже несколько дней предсказывали, что Рождество будет белым, и, кажется, на сей раз не ошиблись. Утром шел снег, да и сейчас небо низко нависало над крышами соседних домов.

Мелоди подошла к окну и посмотрела на пейзаж, который ей больше не доведется увидеть. На парковке было много машин, а за оградой тянулись улицы Лондона, полные здоровых людей. Она закусила нижнюю губу. Эти девочки не постесняются летом надеть короткую юбку или бикини. Как и она когда-то. Теперь все женщины на страницах журналов казались ей длинноногими красавицами с идеальной кожей.

Хватит! Мелоди отвернулась от окна. Она ненавидела эти приступы жалости к себе, которые вдруг нападали на нее ни с того ни с сего. Она осталась жива и должна быть благодарна судьбе за это. Травма позвоночника, переломанные ноги и большая потеря крови вполне могли стоить ей жизни. Мелоди помнила, что время от времени видела лицо Зика, который сидел у ее постели в отделении интенсивной терапии и держал за руку, но прошла целая неделя, прежде чем она окончательно пришла в себя.

Теперь ей казалось, что все это было давным-давно. Как только стало можно, ее перевезли в больницу, специализирующуюся на лечении травм позвоночника. Вначале она не знала, что это устроил Зик. Но, узнав, не изменила свое решение развестись.

Мелоди дохромала до кровати и уставилась на чемодан с вещами. Сейчас ей предстояло покинуть палату, где она провела недели. Нет, месяцы. Где никто не смущался, глядя на ее шрамы, не ужасался от ее тяжелой походки. Персонал больницы был горд, что она вообще смогла ходить сама.

А там, за больничными стенами, реальный мир, мир Зика. Мир, где властвуют красота и богатство, куда допускается только идеальное. И она жила в том мире. Недолго.

Мелоди распрямила плечи. Такие мысли только отнимают силы, а ей надо быть сильной. Но она чувствовала, что сегодня ей не удастся заглушить их, хотя она поступала так с тех пор, как сказала Зику, что их брак распался и что она больше не хочет его видеть.

Зик Джеймс, потрясающий продюсер, король мира шоу-бизнеса, которым правит безжалостной рукой. Она услышала о нем задолго до того, как увидела, когда пришла на отбор танцовщиц для нового шоу.

Мелоди опоздала на просмотр, что недопустимо, если вы всерьез хотите получить работу. На одну отобранную танцовщицу приходилось около сотни отвергнутых. Но старой миссис Вуд, жившей этажом ниже, стало плохо, потому что умер ее любимый кот, и Мелоди пришлось побыть с ней, пока не приехала ее дочь. Она прибежала в театр, задыхаясь, с раскрасневшимся лицом, и менеджер отчитал ее при всем народе, не позволив даже объяснить причину опоздания. К тому моменту, как подошла ее очередь, Мелоди потеряла последнюю надежду получить место в кордебалете, не говоря уже о сольной партии.

Может быть, именно поэтому она замечательно танцевала. Ей нечего было терять. Мелоди чувствовала себя так, будто ее тело было прекрасно настроенным музыкальным инструментом, и буквально летала на сцене...

Губы Мелоди задрожали. Она никогда больше не почувствует себя так. Минутная рассеянность – и ее карьера, ее титанический труд пошли насмарку.

Но все это ничего не значит по сравнению с потерей Зика.

Мелоди сидела в маленькой палате, но мысленно она была далеко.

Впервые она увидела Зика, когда после ее танца кто-то из сидящих в зале начал аплодировать. Она стояла на сцене, немного задыхаясь, не зная, как быть дальше. Потом ее взгляд упал на высокого широкоплечего темноволосого мужчину с резкими чертами лица.

– Великолепно, мисс... – Он посмотрел на листки, которые держал в руке, – мисс Браун. Лучше позже, чем никогда. Или вы – примадонна, которая думает, что мы должны радоваться ее появлению?

Инстинкт подсказал ей, что это Зик Джеймс. За кулисами говорили, что великий Зик Джеймс лично придет на просмотр. Мелоди мгновенно прониклась к нему антипатией. Выпрямившись настолько, что стала выше своих пяти футов десяти дюймов роста (похоронившего ее мечты о классическом балете, но не мешавшего карьере исполнительницы современных танцев), Мелоди сказала, стараясь, чтобы голос не выдал ее возмущение:

– Простите, что я опоздала, но это было неизбежно.

– Правда? Хотел бы я знать, что может быть важнее моего шоу, мисс Браун. Думаю, это был вопрос жизни или смерти?

– Именно смерти.

Зик смутился. Мелоди очень обрадовалась, увидев, что он на минуту растерялся, хотя знала, что это уменьшает ее и без того невеликий шанс получить работу.

Он, конечно, мгновенно взял себя в руки:

– Мне очень жаль.

Но, прежде чем сесть, Зик прищурился и внимательно посмотрел на нее.

За кулисами она рассказала нескольким знакомым танцовщицам, также ожидавшим решения, что произошло.

– Кот? – воскликнула рыжеволосая Кейти, одна из самых амбициозных особ, каких Мелоди когда-либо знала. – Когда ты сказала «смерть», мы решили, что умер кто-то, кто тебе близок и дорог. Но какой-то кот?

– Для тебя, возможно, просто кот, но для миссис Вуд это был друг и товарищ, и она заболела с горя, – ответила Мелоди, хотя знала, что Кейти никогда этого не поймет.

Конкуренция в мире танца была такой же жесткой, как и в драматическом театре. Получить хорошую работу было невероятно трудно. Все преподаватели внушали Мелоди, что только самые упорные и самоотверженные могут добиться успеха, что для этого надо быть толстокожей и беспощадной.

И Кейти, которая тоже пробовалась на ведущую партию, невольно подтвердила справедливость этих слов, сказав:

– Дорогая, ты просто прелесть, честное слово, но я бы не решилась заставлять Зика Джеймса ждать, даже если бы моя милая матушка скончалась сегодня утром. Ты должна быть номером один в этом мире. Поверь мне. Грызи или лежи в грязи.

Другая танцовщица заметила:

– Мы знаем, что ты наступила бы на нас всех, Кейти, чтобы получить то, чего хочешь, не говоря уже о коте старой дамы.

– Что верно, то верно, – усмехнулась та. – Разница между мной и тобой в том, что я не стесняюсь это признать. Ты сделала бы то же самое, Сью. И все мы поступили бы так же, кроме мисс Браун, нашего маленького ангелочка, полного сострадания.

И только тут они заметили, что Зик Джеймс, директор театра и второй продюсер стоят неподалеку и пьют кофе. То, что трое мужчин слышали их разговор, стало ясно, когда пару минут спустя Зик подошел к ней и прошептал так, чтобы никто другой не мог услышать:

– Впервые в жизни я уступил пальму первенства коту, мисс Браун. Это для меня внове.

Он ушел прежде, чем она опомнилась. Через десять минут их всех позвали на сцену. Мелоди получила главную партию, а Кейти стала ее дублершей. Позже, выходя из театра, она увидела у дверей «феррари» Зика. Он ждал ее...

Довольно! Мелоди тряхнула головой, прогоняя воспоминания, которые тем не менее не оставляли ее.

Мелоди вытащила свои светлые, до плеч, волосы из-под воротника пальто и взялась за чемодан. Ее руки дрожали, но она сделала несколько глубоких вдохов и заставила себя успокоиться. Маленькая, но победа.

Все будет хорошо! Молодая женщина кивнула, соглашаясь с этой мыслью. Она все продумала. Теперь осталось привести планы в исполнение. В больнице считали, что она едет к подруге, но на самом деле Мелоди, узнав, что ее выписывают в канун Рождества, обзвонила лондонские отели и забронировала номер на целую неделю. Из-за бумажных проволочек ей пришлось провести в больнице лишние сутки, но номер остался за ней. Номер оказался дорогой, но в праздничные дни и он был удачей. Зато у нее будет время отдохнуть, а сейчас больше ничего не требуется.

Мелоди вышла в холл. Ее тронуло, что нянечки собрались там, хотя она уже попрощалась со всеми раньше.

В лифте она почувствовала себя неуверенной и слабой, как будто собиралась ступить на вражескую территорию. Когда лифт остановился, и дверцы открылись, Мелоди с трудом заставила себя выйти.

Здоровенный мужчина, промчавшись мимо, задел ее чемодан. Она убедила персонал больницы, что может ходить без костылей и даже без палки, но теперь ноги подвели ее. Она потеряла равновесие и почувствовала, что падает. Неожиданно сильные руки подхватили ее, помогли обрести устойчивость, а в следующую секунду чемодан вырвали из ее руки.

– Привет, Мелоди.

Голос Зика был невыразителен, черные как уголь глаза, смотревшие прямо в ее удивленные зеленые глаза, – непостижимы.

– Что? – Она настолько удивилась, что ничего не могла понять. – Как?

– Вопросы потом. – Он твердой рукой взял ее за локоть и повел к автоматически открывающейся входной двери. – Давай сначала выберемся отсюда.

Глава 2

Холодный уличный воздух, непривычный после тепла больницы, шокировал Мелоди, но и помог ей прийти в себя. Способность соображать вернулась вместе с голосом. Она высвободила свою руку, остановилась, посмотрела Зикю в лицо и резко спросила:

– Что ты здесь делаешь?

– Разве это не очевидно? Забираю жену из больницы.

Он говорил спокойно, даже лениво, но Мелоди хорошо знала своего мужа. На самом деле этот тон никогда не соответствовал тому, что у Зика на душе. Он блестяще умел скрывать свои мысли и эмоции и именно этому в очень большой степени был обязан своим огромным успехом.

Хотя было и многое другое.

Сейчас Зикю тридцать восемь лет. В течение двадцати из них он строил свою империю с безжалостной решимостью, без малейшей примеси эмоций. Мелоди пошла с ним к алтарю в свой двадцать пятый день рождения и за два года замужества поняла, что он обращается со звездами точно так же, как с начинающими актерами: требует от них полной отдачи и стопроцентной преданности. Если Зик получал желаемое, был само обаяние. Если же нет...

Естественно, природное обаяние помогало ему, особенно с дамами. Он был высок, строен, широкоплеч, силен. Но в нем было еще кое-что – некий магнетизм, который подчеркивал его мужскую силу.

Черные волосы и черные как уголь глаза не смягчали резких черт его лица. Но Мелоди всегда завораживали его губы. А голос... Уже на первом свидании она поняла, что готова слышать этот глубокий, сильный голос вечно. Так было и теперь.

Но она приняла решение и не собиралась его менять. Она больше не принадлежала миру Зика. И не собиралась цепляться за него, пока лучшие воспоминания не утонули во мраке настоящего. Зик Джеймс полюбил именно ее, хотя мог взять в жены любую женщину. Но Мелоди, на которой он женился, больше не существовало.

Несмотря на внутреннюю дрожь, она твердо произнесла:

– Как ты узнал, что я выписываюсь сегодня? Я никому не говорила.

– Но я не кто-то. Я твой муж.

Он улыбнулся, но улыбка не коснулась его глаз.

По спине Мелоди пробежала дрожь. Молодой женщине улыбка была знакома, хотя до сих пор Зик никогда не адресовывал эту улыбку ей. Но, с другой стороны, прежде она ему не противоречила.

– Мы расстались. Я сказала тебе, что хочу получить развод.

– А я ответил, что только через мой труп, – напомнил он. – Мы будем стоять на холоде и обсуждать эту тему или ты достаточно разумна для того, чтобы поехать домой?

Теперь она разозлилась и ощутила желанный прилив адреналина.

– Я не собираюсь делать ни того ни другого. – Мелоди взглянула на стоявшие за воротами такси. – Я найму машину и поеду туда, куда хочу, так что, пожалуйста, отдай мне чемодан.

Зик покачал головой:

– Ни в коем случае. Ее глаза засверкали.

– Я серьезно, Зик.

– И я тоже.

– Хорошо. Забирай его. – Сумочка с кредитными картами и наличностью висела у нее на плече. – Но меня оставь в покое.

– Прекрати. – Знаменитое железное спокойствие Зика испарилось. – Я держался в стороне последние шесть недель, как ты просила. К тому же врачи заявили, что мое присутствие

расстраивает тебя и замедляет выздоровление. – По его ледяному тону она поняла, как он воспринял это сообщение. – Но будь я проклят, если этот дурацкий фарс продолжится еще час. Ты моя жена. Мы вместе навеки, помнишь? В богатстве и бедности, в болезни и здравии, пока смерть не разлучит нас.

Она услышала только слово «навек». Ее худшие опасения подтвердились.

Зик никогда не скрывал, что наслаждается телом Мелоди. Каждую ночь, а порой и среди дня он занимался с ней любовью, унося женщину на такие высоты, какие она не могла себе вообразить. Он был умелым и благородным любовником, смелым и в то же время бесконечно нежным. Он всегда стремился подарить ей наслаждение, одновременно удовлетворяя собственную страсть. До встречи с Зиком Мелоди не спала с мужчинами, потому что не любила ни одного из тех, с кем встречалась. Она берегла себя для «того единственного». А потом Зик ворвался в ее жизнь, как сверкающий метеор, и через два месяца после первой встречи она стала миссис Джеймс.

Мелоди глубоко вздохнула, и тут первая снежная звездочка пролетела мимо нее.

– Чтобы сохранить брак, нужны двое, Зик. Ты не можешь удержать меня силой.

– Я не верю, что слышу все это от тебя.

– Верь. Я говорю серьезно. Теперь все изменилось.

Было ясно, что Зика возмутило ее заявление, однако его гнев не поколебал Мелоди. Он смотрел на нее в упор. Происходящая в нем внутренняя борьба отражалась на лице.

– Ты хочешь сказать, что больше не любишь меня?

Она отвела взгляд от впившихся в нее сверкающих углей, позволила волосам упасть на лицо и прошептала:

– Именно так. Я больше тебя не люблю. Ты удовлетворен?

Он взял ее за подбородок и заставил посмотреть на него:

– Повтори это, глядя мне в глаза. Скажи, что хочешь стереть все, что было между нами. Словно двух лет просто не было.

– Конечно, они были, и я всегда буду благодарна тебе за них, но жизнь идет дальше. Люди меняются.

– Я не изменился! – Зик тряхнул головой. – Я не изменился, – повторил он тише, нежнее. – И я не верю, что изменилась ты.

– О, я изменилась, – произнесла Мелоди с такой горечью, что он невольно поверил ей.

Зик женился на молодой здоровой женщине. Теперь она не выглядела молодой и уж конечно не была здоровой. Мелоди была сломана и физически, и эмоционально. А в мире Зика нет места инвалидам.

– Ты имеешь в виду несчастный случай? Твои ноги? – Он говорил так тихо, что она с трудом слышала его. – Для меня это не имеет значения. Ты – по-прежнему ты...

– Нет. – В ее голосе появились металлические нотки. – Я уже не я, Зик. Ты не можешь взмахнуть волшебной палочкой и вернуть прежнюю Мелоди. Как не можешь делать вид, что я здорова. Я никогда больше не смогу танцевать. Не буду ходить не хромая. Мне предстоят месяцы интенсивной терапии. Кстати, меня предупредили, что вероятность развития артрита очень велика. Я вполне могу оказаться в инвалидном кресле.

– Все это я знаю. Я постоянно советовался со специалистом, и мы разработали для тебя программу реабилитации. – Зик опять взял ее руку и добавил: – Начинается снегопад, тебе становится холодно. Сядь в машину, по крайней мере.

– Я же сказала, что возьму такси.

Мелоди заметила, что обычно коротко остриженные черные волосы падают Зику на шею. Что это? Перемена стиля или он забыл подстричься? От этой мысли она почему-то почувствовала слабость и, чтобы побороть ее, добавила неоправданно резко:

– И я не хочу, чтобы ты общался с моим физиотерапевтом, ясно? И тем более решал, как я должна лечиться. Я могу сама позаботиться о себе. Мы больше не вместе, Зик. Прими это как факт.

До встречи с Зиком Мелоди сама заботилась о себе многие годы. Бабушка рассказала ей, что отец ушел от ее матери еще до рождения дочки. Мать умерла, когда Мелоди была еще младенцем, и ее растила бабушка.

Так что у нее было несколько необычное детство, особенно если учесть, что бабушка не поощряла дружбу внучки с другими детьми. Мелоди жила исключительно уроками танцев, которые посещала дважды в неделю. Когда ей было шестнадцать лет, ее приняли в хореографическое училище. Она едва успела окончить училище, когда бабушка умерла, оставив Мелоди небольшое наследство. Она перебралась из родного городка на западе Англии в Лондон, нашла дешевое жилье и стала искать работу. Вскоре деньги кончились, и ей между выступлениями на сцене пришлось подрабатывать в разных местах. А потом она получила главную партию, встретила Зика, и ее жизнь изменилась навсегда.

– Ты ведешь себя как ребенок, Мелоди, – сказал Зик тоном, которым полагается говорить с капризным младенцем. – Позволь, по крайней мере, отвезти тебя туда, куда ты хочешь. Или ты думаешь, что я украду тебя? – Ответ на его вопрос был написан на ее лице. Зик в отчаянии прищелкнул языком. – Даю тебе слово. Идет? Но ты же понимаешь, что нам надо поговорить. Когда мы общались в прошлый раз, ты закатила истерику, и персонал больницы обвинил меня в том, что я мешаю твоему выздоровлению. Я так и не понял тогда, что сделал не так. Мне необходимо добраться до сути.

– Я написала тебе на прошлой неделе, – смущенно ответила Мелоди, признавая, что он в чем-то прав. Но как объяснить Зику то, что она сама не вполне понимала? Зато твердо знала, что оставаться вместе невозможно. – Я ничего больше не могу добавить.

– Ну да, миленькую маленькую записочку, – усмехнулся Зик. – Объяснила в нескольких строчках, что хочешь развестись, что не будешь требовать от меня содержания и что в благодарность за это я должен отпустить тебя. Так вот знай, я ни за что на свете не отпущу тебя. Ты – моя жена. Когда я давал обеты у алтаря, я давал их навсегда. Это не был мелкий эпизод, который можно забыть в любую минуту.

Мелоди вздернула подбородок:

– Я не твоя собственность, Зик, как «феррари» или вилла на Мадейре. Я могу чувствовать и думать.

– Не передергивай мои слова, – ответил он с холодным спокойствием. – А теперь позволь отвезти тебя туда, куда ты хочешь, или я буду вынужден перебросить тебя через плечо и отнести в машину. Выбор за тобой.

Она не сделала такой ошибки, не сказала: «Ты не посмеешь». Потому что он посмеет. Собрав остатки гордости, Мелоди смирив Зика ледяным взглядом и позволила ему повести ее к машине.

К тому времени, как он помог ей сесть в автомобиль, на улице бушевал настоящий буран.

Мелоди с болью в сердце наблюдала, как Зик идет к своей двери. Именно такой стычки она стремилась избежать. Но, с другой стороны, вряд ли, зная Зика, можно было надеяться, что он сдастся без боя.

Зик постоянно был окружен сливками индустрии развлечений, и ему подносили себя на тарелочке не только искательницы ангажементов. Он притягивал к себе женщин, как магнит. В нем было что-то, стоившее целого состояния. Но это что-то не имело ничего общего с материальным богатством. Мелоди частенько поддразнивала мужа, утверждая, что из него получился бы идеальный жиголо, если бы он не избрал другую карьеру. Но тогда она была уверена в себе и своим прекрасно вылепленным теле. А теперь...

Зик не сразу завел мотор. Опустившись на роскошное кожаное сиденье, он повернулся к Мелоди.

– Я скучал по тебе, – сказал он тихо, и его угольные глаза стали мягкими, как бархат. – Каждую минуту, каждую секунду.

«Не надо, пожалуйста». Она могла справиться с его злостью, с раздражением: это был Зик, которого знал весь мир, – решительный, беспощадный. Но с женой он был иным. А когда большой мужественный человек открывает нежную глубину своей души, это непреодолимо соблазнительно. Тем более Мелоди знала историю его жизни.

Зик жил в приюте с восьмилетнего возраста, с тех пор, как его мать, которая и так не обращала на него внимания, исчезла неизвестно куда. Он откровенно признавал, что был трудным ребенком и еще более трудным подростком. Когда очередное его деяние выплыло на поверхность, один из учителей предсказал, что к тридцати годам Зик станет или бандитом, или миллионером. Возможно, и тем и другим.

– Этот учитель, сам того не ведая, оказал мне услугу, – поведал Зик однажды вечером, когда они сидели в фешенебельном ресторане. К тому времени они встречались уже пару недель. – Это был один из перекрестков на жизненном пути, момент, когда принимаются решения. Пойти по темной дорожке было просто, тем более что я уже стоял на ней одной ногой. Заработать состояние законным путем гораздо труднее. Но это был вызов, а я всегда любил вызовы. И я решил кое-что доказать ему. И себе.

Мелоди вспомнила, как заворуженно посмотрела на него и спросила:

– Ты только поэтому встал на сторону закона и порядка?

– Я бы сказал – нет. В глубине души я всегда хотел поступать правильно, – ответил он с лукавой улыбкой, которая была ей хорошо известна. – Но дело в том, что тогда я так не думал. Я крутился среди мальчишек самого разного толка, пока жил с матерью, а попав в приют, развил в себе страшные комплексы. Думаю, я был злобным юнцом. – Он улыбнулся еще шире. – Думаю, из меня получился бы образцовый бандит.

Мелоди засмеялась вместе с ним.

– Я рада, что ты выбрал другой путь, – сказала она, чуть-чуть задыхаясь.

Его лицо стало серьезным. Он потянулся через стол и взял ее за руку.

– Я такой, – мягко проговорил Зик. – Такой, и никакой другой. Мне очень трудно заглянуть в твои глаза и просить тебя любить такого человека.

Она моргнула несколько раз, потом прошептала:

– Ты просишь меня сделать именно это? Полюбить тебя?

– Я полюбил тебя с той минуты, как увидел на сцене. Ты поставила меня на место. Прежде я не говорил ни одной женщине, что люблю ее, потому что это была неправда. Не хочу торопить тебя, Мелоди, но я мечтаю, чтобы ты стала моей женой и матерью моих детей. Я люблю тебя, я хочу тебя, ты мне нужна, я тебя обожаю. – Зик отпустил ее руку и откинулся на спинку стула.

В тот вечер они стали женихом и невестой и спустя шесть недель поженились. И Мелоди стало казаться, что ее жизнь началась с того момента, когда она встретила Зика.

Теперь же она повернула голову и сурово сказала:

– Тебе не стоило приезжать сюда сегодня.

– Черта с два! Меня бы ничто не остановило.

Снег залеплял окна, отгораживая их обоих от мира. И в душе Мелоди пробуждались воспоминания, без которых она вполне могла бы обойтись.

Она чувствовала, что Зик хочет ее поцеловать, и, когда он притянул ее к себе, не стала сопротивляться. Но внутренне напряглась, стараясь не ответить на поцелуй, когда Зик раздвинул ее губы. Это был медленный, чувственный поцелуй. Магия его губ парализовала ее волю, но она смогла удержаться. Едва-едва.

Когда он прервал поцелуй, Мелоди увидела, что глаза его сузились.

– Понятно, – проронил он через минуту. – И ты думаешь, что сможешь продолжать в том же духе?

Она сглотнула ком в горле, прежде чем прошептать:

– Не понимаю, что ты имеешь в виду. Он слабо улыбнулся:

– Разумеется.

Зик снова наклонился и поцеловал Мелоди с наслаждением, которое не пытался скрыть, и к тому моменту, как он кончил, женщина не просто отвечала на его поцелуй, но трепетала от желания.

– Вот так, – сказал он очень тихо и откинул голову назад, чтобы взглянуть в ее ясные зеленые глаза. – Вот так лучше. – Он ласково убрал прядь русых волос с ее щеки. – Можем мы теперь ехать домой?

Мелоди почувствовала, что ее охватывает злость. Отстранившись, она с горечью проговорила:

– Ты думаешь, этого достаточно? Ты поцеловал меня, и я стала как воск в твоих руках? – (Его щека дернулась.) – Я не поеду домой, Зик. Ни сейчас, ни завтра, ни вообще. – Не обращая внимания на охватывающий его гнев, она продолжала: – Хочешь ты или нет, наш брак распался. А теперь, если ты не собираешься везти меня в отель, где я забронировала номер, я доберусь сама. Ясно?

Последовало долгое молчание. Зик сжал руль так сильно, словно хотел сломать его. Потом, не говоря ни слова, включил зажигание, и мощный мотор ожил.

– Куда тебя отвезти? – холодно поинтересовался он и, когда она сообщила адрес, выехал с парковочной площадки.

Она победила. Зик сдался. Когда они выезжали за ворота госпиталя, Мелоди напряженно застыла, не позволяя себе ни чувствовать, ни думать. Она сможет сделать это, когда будет одна. А теперь необходимо оставаться внутри ограды, которой она себя окружила. Только так можно сохранить рассудок.

Глава 3

Мелоди не видела фотографии отеля, в котором забронировала номер. Почти все было переполнено, выбирать не приходилось. Теперь же, когда Зик подъехал к непрезентабельному зданию на боковой улочке недалеко от Бейсуотер-роуд, она тяжело вздохнула.

– Мне очень жаль, – грустно сказала Мелоди. – Честное слово, жаль. Но когда-нибудь ты поймешь, что это лучший выход. Спасибо, что встретил меня, но будет лучше, если в дальнейшем мы будем общаться только через адвокатов.

Зик, не говоря ни слова, вышел из машины и, мрачный как туча, пошел к ее дверце, чтобы помочь выйти.

Мелоди выбралась на тротуар совсем не грациозно, как когда-то. И внутренне содрогнулась, не забыв, что Зик ценит элегантность и стиль, но тут же утешилась мыслью, что все к лучшему. Это реальность, и, если Зик будет отвратительна ее неуклюжесть, он быстрее поймет, что совместное будущее невозможно.

Она посмотрела в лицо мужу, но оно было словно высечено из мрамора. Зик достал из багажника ее чемодан, не обратив внимания на попытку Мелоди взять чемодан, подхватил ее под руку и повел к стеклянной двери отеля.

В вестибюле, который выглядел совсем не так убого, как можно было судить по фасаду, она решительно произнесла:

– Спасибо. Дальше я могу идти сама. И опять потянулась за чемоданом.

– Садись. – Зик усадил ее на один из стоявших в вестибюле диванчиков. – Я сообщу о твоём приезде и попрошу отнести чемодан в номер. А потом мы вместе съедем ланч. В чемодане нет ничего, что может тебе понадобиться прямо сейчас?

Мелоди отрицательно помотала головой. Лекарства лежали в сумочке.

– Нет, но я не думаю...

– Хорошо. Не думай, – согласился он с мрачным сарказмом. – Просто послушайся раз в жизни.

Зик направился к стойке портье. У Мелоди кружилась голова, ныли ноги, спина безумно болела. Пока она сидела, как в коконе, в маленькой больничной палате, ее планы на этот знаменательный день – возвращение в большой грешный мир – казались совершенно ясными. Доктора предупреждали, что это будет утомительно после месяцев, проведенных в постели или в кресле. Мелоди собиралась добраться в отель на такси, уединиться в своем номере и распорядиться подавать туда все, что ей потребуется. Она не предполагала, что будет чувствовать себя слабой, даже изможденной, но, возможно, тому виной встреча с Зиком, а не ее физическое состояние.

Он вернулся через пару минут.

– Ну вот, все в порядке, – сообщил Зик удовлетворенно. – Ресторан откроется через час, так что я попросил портье позаботиться о машине. У них не слишком обширная парковочная площадка, но они были очень любезны.

В этом Мелоди не сомневалась. Деньги помогут решить любую проблему, а Зик всегда очень щедр.

– Я решил, что ты предпочтешь поесть тут, а не где-нибудь еще, – продолжал он, садясь рядом с ней. – Ты выглядишь усталой. Я попросил, чтобы нам принесли кофе.

Мелоди возмутилась. Как он смеет распоряжаться? И что имеет в виду, утверждая, что она выглядит усталой? Да, она выглядит непрезентабельно. Ну, об этом ей сообщать не надо. Достаточно посмотреть в зеркало. Она почти не спала с тех пор, как оказалась в больнице, а если заснуть удавалось, ей снились кошмары.

Мелоди сердито сверкнула глазами, потом отвернулась и стала смотреть в окно. На землю падали хлопья снега, крыши домов покрылись белыми коврами. Да, Рождество будет белым. В прошлом году они провели рождественские каникулы в Швейцарии. Днем катались на лыжах, а вечера проводили в маленьком домике, сидя у камина в объятиях друг друга, глядя на огонь. В новом году Мелоди предстояло участвовать в большом спектакле в Вест-Энде. Спектакль, по расчетам, должен был продержаться на сцене достаточно долго, и жизнь казалась чудесной. Они говорили, что когда-нибудь заведут детей, хотя не так скоро. Большинство танцовщиц заканчивают карьеру в тридцать с лишним лет, и Зик готов был ждать...

Зик, словно прочитав ее мысли, заметил:

– Похоже, нам не придется ехать за снегом, как в прошлом году. Снег сам пришел к нам.

– Да, только мы не сможем покататься на лыжах по Бейсуотер-роуд, – заметила она достаточно спокойно, зная, что больше ей никогда не придется заниматься спортом, – если, конечно, ты не хочешь, чтобы тебя забрали люди в белых халатах.

Зик усмехнулся, но его улыбка тут же погасла. Он наклонился к ней.

– Поговори со мной, Ди, – попросил Зик, называя ее именем, которое сам придумал. – Объясни, что ты чувствуешь, что происходит. Ты же понимаешь, я должен знать. Мне непонятны заявления о том, что ты изменилась. Это говоришь не ты.

Это было так – и не так. В глубине души Мелоди знала, что должна все объяснить Зику. Она надеялась, что, если отгородиться от него, не позволить ему посещать ее в больнице, его гордость возмутится, и он сам откажется от жены. Однако Зик был не так прост. В то же время Мелоди было известно его отношение к болезням. В детстве, живя с матерью, он сталкивался со всякими наркоманами, пьяницами, бродягами, погибавшими от разного рода недугов. В результате у него выработалась патологическая потребность заботиться о своем здоровье, и он не мог понять людей, которые этим не занимались. Зик никогда не говорил об этом, но в Мелоди его во многом привлекало ее прекрасно сложенное, послушное тело танцовщицы и прекрасная физическая форма. А теперь...

Она посмотрела на него в упор и начала, аккуратно подбирая слова:

– Зик, ты готов меня слушать? По-настоящему слушать и не прерывать, пока я не кончу?

Он кивнул:

– Да, если ты скажешь мне правду.

– Ты спрашивал меня, люблю ли я тебя, и ответ на этот вопрос, конечно, «да». – Он шевельнулся, и она предупреждающе подняла руку. – Ты обещал.

Он откинулся назад. Его черные глаза впились в нее.

– Продолжай.

– Но теперь, после несчастного случая, нашей обоюдной любви недостаточно. Я с раннего детства мечтала об одном – танцевать. В этом была моя жизнь. Тебе известно, насколько жестока конкуренция в индустрии развлечений, но это никогда не пугало меня. А теперь все кончено.

Официант принес кофе. Мелоди молчала, пока он расставлял чашки на столике.

– Я могла погибнуть в тот день, – продолжила она, как только официант ушел, – и благодарна судьбе за то, что осталась жива, но я никогда не смогу вернуться к прежней жизни. В данный момент я растеряна, но одно знаю твердо: если я не хочу утонуть в волнах жалости к себе, то должна строить свою новую жизнь как можно дальше от того мира, в котором жила последние десять лет. И еще, Зик. – Мелоди помолчала. – Ты – воплощение этого мира. Ты любишь его. Он для тебя – свет в окошке. В нем сосредоточена вся твоя жизнь.

Зик опять попытался что-то сказать, но она опять предостерегающе подняла руку:

– Но я хочу уйти не только поэтому. Ты окружен женщинами, которые видят в тебе средство сделать карьеру. Красивыми женщинами, талантливыми, молодыми, амбициозными. Когда-то мы смеялись, перечисляя, на что некоторые из них готовы пойти, лишь бы привлечь

твое внимание. Я наблюдала, как они без зазрения совести предлагали тебе себя. Мне это не нравилось тогда, а теперь нравится еще меньше.

Мелоди была дрожь. Она отпила глоток кофе, чувствуя потребность в кофеине. Говорить дальше будет еще труднее.

– Тогда я могла дать тебе все. Теперь не могу. Мы должны быть честными, смотреть правде в глаза. Твоя жена – инвалид. Ты стоишь во главе индустрии развлечений. Когда нас будут приглашать на приемы, на обеды, когда мы будем идти по красным ковровым дорожкам, я буду хромать. Может статься, однажды тебе придется толкать мое инвалидное кресло. Или же мне придется оставаться дома и гадать, какая звездочка испытает судьбу этим вечером. Я превращусь в существо, которым не хочу быть, и ты тоже изменишься. Я не хочу для нас такой участи. Гораздо лучше расстаться сейчас, пока мы дороги друг другу. Мы сможем вспоминать друг друга с любовью.

Зик смотрел на нее, как на безумную, и уже ничто не могло заставить его молчать.

– Это чушь, совершенная чушь, – проговорил он со скрытой яростью. – Ты говоришь не о нас с тобой. А эти так называемые красавицы, которых ты упомянула... Кто ты, если не красавица? Снаружи и внутри?

– Но я больше не такая, Зик. – Мелоди была бледна, как снег за окном, но полна решимости. – На моем теле шрамы, страшные, красные. Они впились в кожу, которая, по твоим словам, была похожа на шелк цвета меда, и они останутся навсегда. От них не избавиться.

– Твои шрамы волнуют тебя постольку, поскольку влияют на твое мнение о себе, – тихо заметил Зик.

– Ты их не видел.

Она смотрела на него, и внутри у нее все сжималось.

– А кто виноват в этом? – поинтересовался он. – Когда я попросил тебя показать их, ты закатила истерику. Меня вышвырнули из палаты и велели больше не заговаривать с тобой о шрамах. Сказали, что ты покажешь их, когда будешь к этому готова. А потом врачи заявили, что мои посещения скорее вредны, чем полезны, и если я беспокоюсь о тебе, то должен дать тебе отдышаться. Ну, если «отдышаться» вылилось в глупость, которую ты вбила себе в голову, мне, наверное, стоило продолжать приходить в больницу. Я люблю тебя, черт подери, каждый кусочек твоего тела, со шрамами и всем прочим. И мне не нравится, что меня считают неразборчивым сластолюбцем, который уложит в свою постель любую женщину, которая пожелает туда попасть. Я не таков, и ты это знаешь.

От гнева на ее бледном лице загорелись два красных пятна.

– Этого я не говорила.

– Ты сказала именно это. – Зик дышал тяжело, потому что ярость жгла его изнутри. – Ну ладно, позволь задать тебе один вопрос. Что, если бы я попал под грузовик? Что, если бы оперировали меня, если бы я провел несколько месяцев в больнице? Ты стала бы искать другого мужчину?

– Конечно нет. Ты прекрасно знаешь, что нет.

– Тогда какого черта ты уверена, что я возьму себе другую женщину? И почему считаешь, что твоя любовь сильнее моей? Мне обидно слышать это.

– Ты искажаешь мои слова. – Мелоди была готова расплакаться. – Я никогда не говорила, что моя любовь сильнее.

Зик взглянул на дрожащие губы жены, на синие круги под глазами, на похудевшую фигуру, тихонько выругался и притянул ее к себе, не обращая внимания на то, где они находятся.

– Не плачь, – проговорил он хрипло. – Я не хотел довести тебя до слез. Я хочу любить тебя, заботиться о тебе, но ты сводишь меня с ума. Я чуть не лишился рассудка. Я дошел до

того, что по ночам приезжал к больнице и останавливал машину рядом с воротами, чтобы быть поближе к тебе. Безумие, правда? Но именно так и было.

Мелоди расслабилась в его объятиях – но только на минуту. Слова Зика не подбодрили ее. Они показали, что Зик понимает все не так, как надо. Он считает, что быть рядом с ней, заботиться о ней – его долг. Долг – это неплохо, но она не желала, чтобы он оставался с ней из чувства долга. Из жалости.

Она отодвинулась от мужа и допила кофе. Он тоже взял чашку, но его черные глаза продолжали пристально смотреть на нее.

– В каком-то смысле это наследие твоей бабушки, – сказал он, помолчав немного. – И ты это знаешь.

Пораженная Мелоди посмотрела ему прямо в глаза:

– Что ты говоришь? Бабушки нет на свете уже много лет.

– Она растила и любила тебя, но не очень доверяла мужской половине человечества. Она не позволяла тебе забыть, что твой отец бросил твою мать. И каждый день рассказывала о деяниях твоего деда. Ведь так?

– Ну, не каждый.

– Хорошо, почти каждый. Многие годы бабушка отравляла тебя ядом своих собственных горестей. Она так и не смогла пережить, что муж ушел от нее. Не смогла простить.

Мелоди вздернула подбородок и наградила Зика сердитым взглядом.

– А почему она должна была его прощать? Он был мерзким человеком. Я отвела бы его к ветеринару для определенной операции, если бы он был моим мужем, – гордо заявила она.

На губах Зика вспыхнула искорка улыбки.

– Буду иметь это в виду, – кивнул он. – Но дело в том, что она причинила тебе вред, лишила уверенности в некоторых вопросах. Признай, что это так, Ди.

– Никогда в жизни. – Как он смеет оскорблять бабушку?! – Мой отец и дед не имеют никакого отношения к нашей ситуации.

– Это не ситуация, Ди, – мрачно заметил Зик. – Речь идет о нашем браке, и, что бы ты ни говорила, неверность твоего деда и отца очень сильно влияет на твое представление обо мне. Но я никогда не собирался бросать тебя. И не собираюсь.

Он путал ее, переиначивал ситуацию по-своему. Это нечестно. За долгие мучительные недели Мелоди сумела подготовить себя к неизбежному, и у нее не было сил возвращаться к ужасным дням сразу после несчастного случая, когда она не представляла себе, что делать. Уйти от Зика – единственный способ сохранить чувство собственного достоинства. Она не в силах наблюдать, как он постепенно охладевает к ней и их совместная жизнь летит под откос. Друзья, коллеги, работа – все, абсолютно все связано с миром, в котором ей больше нет места. То, что когда-то соединило их, теперь разлучает. Какая ирония судьбы!

– Я знаю, что не справлюсь, Зик, – проговорила она упавшим голосом. – С нами, с нашим браком. Не справлюсь.

В этот момент дверь отворилась, и в вестибюль вошла молодая японская пара с двумя возбужденными маленькими девочками, что-то радостно восклицавшими на родном языке.

Мелоди улыбнулась.

– Это снег, – объяснила японка на великолепном английском. – Они очень хотели, чтобы на Рождество пошел снег. Тогда Санта-Клаусу и его оленям будет легко везти сани.

– Это очень важно, – согласилась Мелоди и, посмотрев на девчушек, добавила: – Не забудьте оставить оленям несколько морковок. Они очень устанут, развозя подарки.

Дети засмеялись. Мелоди не была уверена, поняли ли они ее слова, а обернувшись к Зику, увидела, что он задумчиво смотрит на нее.

– Как насчет детей, которых мы хотели когда-нибудь завести? – спросил он спокойно. – Как дети вписываются в будущее, которое ты себе уготовила?

Она посмотрела на свои руки и позволила густым светлым волосам упасть на лицо, скрыть его от Зика.

– Они... Они – нет, – прошептала Мелоди, зная, что если у нее не будет детей от Зика, то их не будет вообще. Она всегда принадлежала Зикю душой и телом, хотя не могла больше быть рядом с ним.

– Понятно. – Его голос звучал тихо и напряженно. – Значит, ты решаешь за меня. Очень мило. А если я протестую против лишения меня права на отцовство?

– Ты можешь иметь детей с кем-нибудь другим. – Она по-прежнему не смотрела на него.

– Если бы мы не находились в общественном месте, я прямо сказал бы, что именно думаю о твоём предложении. Ты всерьез считаешь, что кто-то может занять твоё место? – продолжал Зик с плохо сдерживаемой яростью. – Или то, что я говорил раньше, не имеет значения? Я полюбил тебя. И никого не хочу, кроме тебя. Услышь меня, черт возьми!

Мелоди совершила ошибку – взглянула на него. Ей еще не приходилось видеть, чтобы он так сердился. Его лицо, мрачное, как грозовая туча, стало лицом чужого человека – опасного, разгневанного.

Ее сердце готово было сдаться, но она заставила себя говорить спокойно:

– Именно этого я хотела избежать, Зик, когда отказывалась тебя видеть. Я не хочу с тобой ссориться. Но решение принято, и ты его не изменишь. Если откажешься от ланча и уедешь, я возражать не стану.

Зик постарался усмирить свою ярость. Через несколько минут он уже был способен улыбаться. Надо было очень хорошо его знать, чтобы понять: это не настоящая улыбка. А Мелоди хорошо знала мужа.

– Я здесь, и здесь останусь, – протянул он лениво.

И у Мелоди появилось ощущение, что он имеет в виду не только ланч.

Глава 4

Супруги сидели в молчании, полном высказанного и невысказанного, пока сотрудница отеля не подошла к ним и не объявила, что ланч их ждет.

Мелоди упорно продолжала смотреть на улицу, где густой снег падал из свинцовых облаков. Но при этом она чувствовала на себе взгляд Зика. Несмотря на свободную позу, он был внутренне напряжен, как сжатая пружина.

Ресторан оказался вполне уютным, хотя был совершенно не похож на фешенебельные заведения, куда Зик обычно ее водил. Со вкусом подобранные рождественские украшения придавали залу праздничный вид. В середине их столика стояла усыпанная блестящими серебряными звездочками маленькая елка.

Официант дал им два меню и удалился. Потом появился сомелье.

– Поскольку мы празднуем, принесите бутылку вашего лучшего шампанского, – сказал Зик, не отрывая глаз от Мелоди.

Сомелье расплылся в улыбке. Ему попался отличный клиент. И к тому же на Рождество все щедр на чаевые.

Мелоди подождала, пока сомелье уйдет, потом переспросила бесцветным голосом:

– Празднуем?

– Конечно. Ты покинула больницу, и можно вновь начать жить. – Зик лукаво улыбнулся. – Разве это не повод выпить хорошего шампанского?

Она не собиралась попадаться на его удочку и заметила, чуть подняв подбородок:

– Я думала, ты не считаешь возможным садиться за руль после того, как выпьешь.

– Ты совершенно права, – мрачно согласился он. – Не считаю.

Мелоди не сомневалась, что Зик ждет, когда она спросит, как он поступит с машиной, а потому промолчала и, сжав зубы, сосредоточилась на меню.

Она всегда считала себя уравновешенным человеком, который готов принять все, что ему уготовила судьба, и идти дальше. Но несчастный случай вывел молодую женщину из равновесия и физически, и, что еще хуже, эмоционально. И она не знала, как справиться с этим. Мелоди чувствовала себя неуверенно, потому что заново пережила все свои несчастья, начиная с того момента, как отец бросил ее и ее мать. Он, конечно, не захотел брать на себя ответственность. Неужели она стала виновницей их разрыва?

Вдруг Мелоди заметила, что шампанское уже разлито по бокалам. Когда официант опустил бутылку в ведро с льдом и ушел, Зик поднял свой бокал.

– За тебя, – сказал он очень нежно, – за мою красивую, хрупкую, несравненную жену, центр моей вселенной.

Услышав такой тост, Мелоди поставила свой бокал на стол.

– Не надо, Зик, – произнесла она с болью в голосе.

– Не надо – что? Говорить, как я тебя обожаю? Но я не могу не говорить этого, Ди.

– Ты, ты не обязан...

Ее ноги ныли, напоминали, как они выглядят под брюками.

– Не обязан? – спросил Зик скорее загадочно, чем обиженно. – Когда я делал что-нибудь потому, что обязан? Ну, хорошо. Этот тост тебе не нравится. А как насчет того, чтобы поднять бокалы за нас?

– Зик! Она нахмурилась, он улыбнулся:

– Тогда за Рождество. За это-то ты выпьешь?

Мелоди пригубила шампанское. Волшебный напиток. Нежный, искушающий, утонченный – как и сам Зик. Она посмотрела на мужа.

– Очень вкусно, – пробормотала она сухо, стараясь не замечать, как скривились его губы.

– Правда? – сказал он мягко. – Ты голодна?

Странно. Впервые после несчастного случая Мелоди почувствовала, что у нее появился аппетит. И кивнула:

– Немного.

– Это хорошо. Тебя надо откормить. – И, не обратив внимания, как покорило ее замечание относительно худобы, Зик продолжал: – Я намерен сегодня поесть в свое удовольствие, а рождественскую индейку отложить на завтра. Что ты об этом думаешь? Лосось в яйце хорош для начала. Потом баранина в красном соусе. Десерт закажем позже.

Мелоди выбрала бы то же самое, но ей надо было доказать свою независимость.

– А я возьму паштет из грибов и мясо в бобовом соусе.

Она отложила меню и отпила еще глоток шампанского. Впрочем, ей следует быть осмоторительной. В больнице она не пила вино, и сказочное шампанское небезопасно: учитывая настроение Зика, ни в коем случае нельзя терять голову.

Официант подошел к их столику, и, пока Зик делал заказ, Мелоди получила возможность изучить его лицо. Впервые за это утро. Он был привлекателен, как всегда, но выглядел уставшим, и от этого у нее сжалось сердце. Может быть, Зик слишком много работал? Перед премьерой он был способен работать круглыми сутками, не перепоручая дела другим. В этом-то и беда. Зик строил свою маленькую империю потом, кровью и слезами, страшно гордился своими достижениями, охранял их. Причем не всегда был уверен в себе.

Именно это его качество привлекло Мелоди, когда они только начали встречаться. Зик сходил по ней с ума, но трогательно сомневался в ее чувствах к нему, и это ее поразило. Он редко говорил о своем детстве и юности, но, судя по всему, у него были огромные проблемы с любовью и обязательствами, и он не очень доверял женскому полу.

Эта мысль беспокоила Мелоди. Последние несколько недель она старалась загнать ее на самое дно сознания.

«Зик без труда найдет себе кого-нибудь еще», – твердила она себе. Бабушка уверяла, что мужчины видят в любви совсем не то, что женщины. Мужская любовь – исключительно плотская и непостоянная.

– Даже лучшие из них со временем начинают искать себе кого-нибудь помоложе, Мелоди. Помни об этом и будь готова.

На секунду ей показалось, что бабушка стоит рядом и повторяет эти слова. Зик сказал, что искаженное отношение бабушки к жизни и любви подействовало на внука. Мелоди это не понравилось. Но, может быть, в его замечании есть доля правды?

Мелоди показалось, что она предает бабушку, которая ее вырастила и многим пожертвовала, чтобы дать ей возможность брать уроки танцев. Ей стало стыдно. Она очнулась и увидела, что, сама того не замечая, опустошила свой бокал и что Зик внимательно смотрит на нее.

Он наполнил бокал жены.

– О чем ты думала? Обо мне, да? Мелоди не могла сказать ему правду, но и молчать не стоило. Она ответила:

– О том, что провожу сегодняшний день совсем не так, как предполагала.

– Неужели ты думаешь, что я после трех месяцев, проведенных тобой в заточении, позволю тебе опять оказаться взаперти?

– Я не ребенок, – резко ответила она, – и вполне могу позаботиться о себе.

– Поверь, Ди, я никогда не смотрел на тебя как на ребенка. Ты непредсказуемая, порой непостижимая, но не ребенок.

Мелоди вспыхнула, увидев в черных глазах желание, и невольно снова отпила из бокала.

– Успокойся. – Зик взял женщину за руку, как будто имел полное право дотрагиваться до нее и разговоров о разводе просто не было. – Ты ведешь себя словно кошка на раскаленной крыше. Это я, помнишь? Твой муж.

Он опустил большой палец на ладонь Мелоди и, прежде чем поднести ее руку к губам, погладил шелковистую кожу. По руке женщины промчался электрический разряд, и она охнула, не сумев скрыть свою реакцию. Мелоди вырвала руку, ее глаза сверкнули.

– Не надо так делать, – проговорила она слишком страстно.

Зик усмехнулся:

– Еще одно «не надо». Но ты не можешь отрицать, что тебе приятны мои прикосновения. А мне приятно прикасаться к тебе. Помнишь, как это у нас бывало? – Он посмотрел на ее губы, и они задрожали, а по телу прошла волна сексуального желания. – Мы занимались любовью где угодно, в любое время. И это была именно любовь, а не просто секс.

Мелоди опять хотела было сказать: «Не надо», но вовремя удержалась. Однако его голос пробудил воспоминания, без которых она вполне могла обойтись. Эти воспоминания всплывали по ночам, и ее сердце разрывалось на части, когда, проснувшись, она не видела его рядом.

– Как на Мадейре. Ты жарила блины на завтрак. С кленовым сиропом. Клянусь, я не пробовал ничего вкуснее.

Они занялись тогда любовью. Прямо в кухне, на нагретом солнцем полу, а потом смывали друг с друга разлитый кленовый сироп. Дивные, волшебные дни...

Мелоди не могла в общественном месте дать волю страшной тоскливой боли, вызванной его словами, и постаралась взять себя в руки. Не важно, как хорошо им было. Это было давно. А сейчас – это сейчас. Девочки с сильными загорелыми ногами больше не существует. Она не ждала, что Зик поймет ее. Она едва понимала себя сама. Но инстинкт самосохранения подсказывал, что надо расстаться с ним раньше, чем она сойдет с ума, пытаясь быть прежней, наблюдая, как вожделение мужа сменяется жалостью.

– Ты хочешь меня, Ди. Так же сильно, как хочу тебя я. – Зик вовсе не собирался принять ее самопожертвование. – Я хочу опять заниматься с тобой любовью много часов подряд. Без оглядки, без спешки, потому что у нас впереди много времени. Я успокою все твои тревоги, разрешу все сомнения. Я сделаю так, что тебе будет хорошо.

– Нет, не сделаешь. И я не с тобой – так, как ты это понимаешь, – яростно возразила Мелоди.

– Ты моя и всегда будешь моей. И ты это знаешь. – Зик наклонился к ней, не прикасаясь, но окутывая теплом своего тела. – Наш дом ждет тебя. Меня убивает, когда я нахожусь там один, когда не держу тебя в своих объятиях. – Он внимательно наблюдал, как вызванные им воспоминания наполняют Мелоди, и его голос стал хриплым, когда он добавил: – Сегодня первый день нашей новой жизни вместе.

– Перестань, – сказала она достаточно резко, пресекая дальнейшие уговоры. – Перестань, или я сейчас встану и уйду.

Зик посмотрел в ее глаза, на бледное лицо и выругался про себя. Откинувшись на спинку стула, он мгновенно опустошил свой бокал.

Официант принес первое блюдо. Через пару минут Зик сказал:

– Сам не знаю, хочу я поцеловать тебя или удушить.

Он говорил тихо, спокойно, но Мелоди не сомневалась, что он серьезен.

– Пусть тебя это не беспокоит, потому что я не позволю тебе сделать ни то ни другое. – Она изо всех сил старалась, чтобы ее голос звучал спокойно, а лицо ничего не выражало. – Кстати, прекрасный паштет.

Мелоди увидела, что взяла над ним верх, и это Зик не нравится. Он привык всегда владеть ситуацией. И привык – до встречи с ней – сам разрывать отношения с женщинами. Хотя, кажется, многие его бывшие подруги тепло вспоминали о нем.

Зик покончил с лососем и равнодушно поинтересовался:

– Значит, ты хочешь продолжать этот смехотворный фарс?

Мелоди мысленно благословила неведомо откуда взявшуюся в ней силу.

– Ты имеешь в виду развод? Конечно.

– Конечно? – переспросил он лениво. – Без тени сомнения? Ну кто я такой? Обыкновенный мужчина.

Мелоди с вызовом посмотрела на него. Никто не смог бы назвать Зика обыкновенным.

Его губы приоткрылись – мимика, которую она знала слишком хорошо. «Ну почему, почему он должен быть для меня всем на свете?» – тоскливо подумала Мелоди. Почему она не влюбилась в какого-нибудь мистера Ординарность? В человека, который был бы привлекательным, но не околдовывал прочих представительниц женского населения планеты? Кто действительно принадлежал бы только ей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.